

К.Е. Напьерский

Русско-Ливонские Акты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К.Е. Напьерский**
Русско-Ливонские Акты / К.Е. Напьерский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 486 с.

ISBN 978-5-517-93490-1

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1868 года.

ISBN 978-5-517-93490-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

VORREDE.

Von den Verlusten, welche das altrussische Schriftwesen vorzugsweise durch die zerstörende Kraft des Feuers und insbesondere in der Zeit der Kämpfe mit den Litauern, Tataren und Polen erlitten hat, ist einer der empfindlichsten, — der Untergang fast aller älteren Denkmäler, welche einst im westlichen und zum Theil im südwestlichen Russland entstanden und verbreitet waren. Wie sehr dieser Verlust zu beklagen ist, kann man schon aus der Beschaffenheit der wolynisch-galizischen Chronik entnehmen, welche das ganze 13. Jahrhundert umfasst und einzelne bedeutende Streiflichter auch auf die Geschichte der altrussischen Gebiete an der Düna und am Niemen wirft. Leider ist auch diese Quelle, gleich der fortgesetzten kiewer Chronik des 12. Jahrhunderts, nicht in ihrer ursprünglichen Gestalt auf uns gekommen; allein das eigentliche Westrussland hat diesen südwestlichen Quellen nichts Aehnliches an die Seite zu stellen. Die Existenz von westrussischen Chroniken lässt sich aber schon daraus folgern, dass fast überall, wo einzelne Theilfürsten zu Macht und Ansehn gelangten, auch Chroniken angelegt oder wenigstens historische Aufzeichnungen veranstaltet wurden und dass sogar die russische Annalistik Nachahmung fand in dem Reiche der litauischen Gediminowitschen. Spuren von westrussischen historischen Aufzeichnungen lassen sich bei späteren Epitomatoren ziemlich sicher nachweisen. Ohne hier näher in die von Tatischschew herrührenden Fragmente einzugehen, welche nach seiner Aussage aus einer mit Nachrichten über Polozk angefüllten Chronik stammten, sei hier nur auf zwei Classen von Quellen, nämlich auf eine polnische und auf eine russische hingewiesen, deren relative Bedeutung für die Geschichte des westlichen Russlands noch nicht genügend festgestellt ist. Der Pole Długosz († 1480) gehört allerdings zu jenen die historische Wahrheit durch Phantasien und Rhetorik entstellenden mittelalterlichen Chronisten; allein ihm standen ohne Zweifel

и Южной Россіи было болѣе русскихъ источниковъ, чѣмъ у насъ въ настоящее время. Намъ еще не удалось опредѣлить положительно, въ какомъ отношеніи литовскія лѣтописи, написанныя на русскомъ языкѣ, находятся къ потеряннымъ западно-русскимъ лѣтописямъ. Внутренній составъ этого разряда литовско-русскихъ источниковъ, которыми, между прочимъ, уже пользовался польскій компилаторъ Стрѣйковскій († послѣ 1582 г.), тогда только можетъ быть опредѣленъ по достоинству, когда намъ будетъ доступно полное собраніе ихъ, печатаніе котораго уже начато Археографическою Коммиссіею. Теперь же критическая оцѣнка ихъ пока представляетъ большія затрудненія, потому что первоначальная редакція ихъ по видимому потеряна, а хронологическихъ данныхъ при нѣкоторыхъ событіяхъ или вовсе не имѣется, или они отчасти невѣрны. Вслѣдствіе чего является необходимость критическаго сравненія ихъ какъ съ русскими, такъ и съ другими источниками, въ особенности съ *грамотами*.

Прежнія попытки дать, при помощи подлинныхъ документовъ, исторіи всей Западной Россіи, начиная съ XIII вѣка, возможно-болѣе прочную основу, не могли привести къ важнымъ результатамъ, потому что число такихъ документовъ было слишкомъ ограничено. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій недостатокъ этотъ устраненъ если не вполнѣ, то въ значительной степени. Къ сожалѣнію, оффиціальныя бумаги княжествъ смоленскаго, полоцкаго, витебскаго и др. за древній періодъ ихъ существованія уже давно погибли на родинѣ своей; даже древняя Литовская Метрика не богата документами, относящимися къ до-ягайловскому періоду. Стараясь пополнить эти и другіе пробѣлы преимущественно извѣстіями, извлеченными изъ архивовъ Ватиканскаго, Кенигсбергскаго, Варшавскаго, историки упустили изъ виду близкую къ Западной Россіи Лифляндію. Между тѣмъ было извѣстно, что въ Ригѣ находятся архивы, помѣщенные въ каменныхъ зданіяхъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожаровъ и разрушительныхъ осадъ. Хотя уже 80 лѣтъ тому назадъ напечатанъ былъ нѣмецкій переводъ одной, хранящейся въ Ригѣ грамоты смоленскаго князя, но первая мысль воспользоваться рижскими сокровищами, въ особенности же находящимися тамъ грамотами на русскомъ языкѣ, не въ видахъ только одного мѣстнаго интереса, принадлежитъ покойному К. Э. Напьерскому.

Здѣсь не мѣсто распространяться о важныхъ, неотъемлемыхъ заслугахъ, оказанныхъ Напьерскимъ, въ теченіе 40 лѣтъ, исторіи нашего Прибалтійскаго края вообще: этотъ ученый принадлежитъ къ отборному кружку тѣхъ немногихъ историческихъ изслѣдователей, дѣятельность которыхъ никогда не можетъ быть забыта, хотя бы труды ихъ были отодвинуты на задній планъ другими лучшими и болѣе обширными изслѣдованіями. Уже по его первому историческому сочиненію о ливонскихъ лѣтописцахъ, явившемуся въ 1824 году, можно было видѣть, съ какихъ многообъемлющихъ точекъ зрѣнія онъ намѣренъ былъ, на сколько могъ, устранить и пополнить недо-

reichlichere russische Quellen über gewisse Perioden der Geschichte des westlichen und südlichen Russlands zu Gebote, als wir besitzen. Noch ist es nicht mit Sicherheit ermittelt, in welchem Verhältniss die in russischer Sprache abgefassten litauischen und daher richtiger litauisch-russischen genannten Chroniken zu verloren gegangenen westrussischen stehen. Diese unter andern einst schon von dem polnischen Compiler Strykowski († nach 1582) benutzte Classe von litauisch-russischen Quellen wird hinsichtlich ihrer Composition erst dann gebührend gewürdigt werden können, wenn die von der archäographischen Commission bereits begonnene Sammlung derselben allgemein zugänglich sein wird. Einstweilen unterliegt ihre Kritik noch grossen Schwierigkeiten, da die Originalredactionen derselben verloren zu sein scheinen und ihre Chronologie theils an Dürftigkeit, theils an Fehlern leidet. Demnach ist eine kritische Vergleichung derselben sowohl mit russischen als andern Quellen, namentlich mit *Urkunden* unumgänglich.

Die früheren Versuche, der Geschichte des gesammten westlichen Russlands seit dem 13. Jahrhundert mit Hülfe von echten Documenten eine möglichst sichere Grundlage zu geben, konnten zu keinen bedeutenden Resultaten führen, da zu wenig Schriftstücke der Art zugänglich waren. Diesem Uebelstande ist nun im Laufe der letzten Jahrzehende, wenn auch nicht durchgängig, doch in beträchtlichem Maasse abgeholfen worden. Leider sind die officiellen Papiere aus der Zeit der ehemaligen Fürstenthümer der Ruriker von Smolensk, Polozk, Witebsk u. s. w. in ihrer Heimath längst zu Grunde gegangen und auch das alte litauische Staatsarchiv (*Литовская Метрика*) enthält wenig Ergiebiges für die Zeit vor Jagailo. Während man zur Ausfüllung dieser und anderer Lücken vorzugsweise aus den Archiven des Vaticans, von Königsberg, Warschau zu schöpfen suchte, vergass man das dem westlichen Russland benachbarte Livland. Und doch wusste man, dass gerade die Stadt Riga Archive in steinernen Gebäuden aufbewahrt, die dem Feuer und den Belagerungen getrotzt hatten. Zwar war schon vor 80 Jahren eine in Riga befindliche smolensker Urkunde in deutscher Uebersetzung verbreitet worden; allein der Gedanke die rigaischen Schätze, besonders die dort befindlichen Urkunden in russischer Sprache in einem nicht ausschliesslich provinciellen Interesse auszubeuten, ist zuerst von dem verstorbenen K. E. Napiersky ausgegangen.

Es ist hier nicht der Ort, die bleibenden grossen Verdienste zu schildern, welche sich Napiersky um die Geschichte unserer baltischen Provinzen überhaupt im Laufe von 40 Jahren erworben hat: er gehört zu jenem auserwählten Kreise von historischen Forschern, deren Wirken unvergesslich bleibt, auch wenn ihre Arbeiten und Unternehmungen durch bessere und erweiterte in den Hintergrund treten. In seiner im J. 1824 erschienenen historischen Erstlingsschrift über die livländischen Geschichtsschreiber liess er bereits erkennen, von welchen umfassenden Gesichtspuncten aus er die in der alten livländischen Geschichte fühlbaren Mängel und Lücken nach Kräften zu beseitigen und aus-

статки и пробѣлы, встрѣчавшіеся въ исторіи древней Ливоніи. Съ 1829 года, когда онъ былъ переведенъ въ Ригу директоромъ училищъ, ему представился случай пользоваться рукописными сокровищами, находившимися въ этомъ городѣ. Первоначально онъ обратилъ главное вниманіе на собраніе копій съ многочисленныхъ грамотъ изъ Кенигсбергскаго архива, которое было начато на счетъ дворянства, а потомъ, благодаря ходатайству Карамзина, приведено къ окончанію на средства, дарованныя императоромъ Александромъ I. Между этими копіями находились многія съ такихъ документовъ, которые относились къ Россіи, въ особенности къ мѣстностямъ, входившимъ въ составъ прежняго великаго княжества литовскаго. Это собраніе, увеличенное копіями съ актовъ Рижскихъ архивовъ, составляетъ 21 томъ большаго формата, описаніе которыхъ Напьерскій издалъ въ двухъ большихъ томахъ въ листъ, безъ всякаго вознагражденія за копотливый трудъ.¹⁾

Составленіе и изданіе этого подробнаго указателя расширили кругозоръ и историческія знанія Напьерскаго. Въ немъ родилось желаніе напечатать особую выборку изъ описанныхъ или открытыхъ имъ сокровищъ, и такимъ образомъ сдѣлать ихъ общедоступными. Особенный интересъ его возбуждали находящіяся въ архивѣ рижскаго магистрата грамоты на русскомъ языкѣ, которыя сохранились или въ подлинникахъ, или въ старинныхъ спискахъ, и обнимали время отъ конца XII до XVII столѣтія. Напьерскій, не занимавшійся до того спеціальнымъ изученіемъ русской и литовской исторіи, не побоялся труда, отчасти при посторонней помощи, вникнуть въ смыслъ этихъ разнородныхъ документовъ, и успѣлъ опредѣлить не только вообще содержаніе ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько было возможно, и время или по крайней мѣрѣ столѣтіе, къ которому относились русскіе документы безъ обозначенія года.

Напьерскій не ограничился впрочемъ собраніемъ однихъ только русскихъ документовъ, а присоединилъ къ нимъ много грамотъ подобнаго содержанія на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Документы послѣдняго рода онъ извлекалъ преимущественно изъ двухъ коллекцій: Рижскихъ городскихъ архивовъ²⁾ и фоліантовъ мѣстнаго дворянскаго архива, списанныхъ въ Кенигсбергскомъ архивѣ. Нѣсколько болѣе или менѣе любопытныхъ документовъ ему было доставлено его друзьями и корреспондентами. Такимъ образомъ онъ успѣлъ собрать болѣе 200 документовъ объ историческихъ отношеніяхъ Лифляндіи и Ганзы къ Россіи или къ великому кня-

¹⁾ Index Corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae;
oder

Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte ... Liv-, Ehst- und Kurland's mit Unterstützung ... des ... Kaisers Alexander I. ... aus dem geheimen, ehemaligen Deutsch-Ordens-Archive zu Königsberg ... zusammengebracht worden ist. I. Theil. Riga 1833. II. Theil. 1835.

²⁾ Такъ называемыхъ внутренняго и внѣшняго архивовъ.

zufüllen gesonnen wäre. Als Schuldirektor im Jahre 1829 nach Riga versetzt, hatte er nun Gelegenheit, die dort aufgespeicherten handschriftlichen Schätze zu benutzen. Zunächst richtete er sein Hauptaugenmerk auf eine in Copien vorhandene Sammlung von Urkunden, welche einst im königsberger Archiv auf Kosten des Adels begonnen und dann, Dank sei es der Verwendung von Karamsin, durch die vom Kaiser Alexander I. gewährten Mittel beendet worden war. Unter diesen Copien bezogen sich manche auf Russland und insbesondere auf Gegenden, welche einst einen Bestandtheil des Grossfürstenthums Litauen ausgemacht hatten. Im Ganzen bestand die durch viele Abschriften aus den rigaer Archiven vermehrte Sammlung aus 21 Foliobänden, deren Beschreibung von Napiersky in zwei Foliobänden veröffentlicht wurde, ohne dass er für diese mühsame Arbeit irgend eine Entschädigung in Anspruch nahm.¹⁾

Durch die Abfassung und Herausgabe dieses detaillirten Urkundenanzeigers hatte der Blick Napiersky's und sein historisches Wissen sich vielfach erweitert. Es entstand darauf in ihm der Wunsch, wenigstens einen Theil der von ihm entdeckten oder beschriebenen Schätze durch den Druck allgemein zugänglich zu machen. Sein besonderes Interesse erregten die in dem Rathsarchiv der Stadt Riga aufbewahrten Urkunden in russischer Sprache, die im Original oder in alten Copien sich erhalten hatten und von dem Ende des 12. bis zum 17. Jahrhundert reichten. Obgleich er aus der russischen und litauischen Geschichte kein Specialstudium gemacht hatte, so scheute er doch keine Mühe, um in den Sinn dieser verschiedenartigen Documente, zum Theil mit Hülfe eines Geschichtsfreundes, so weit einzudringen, dass er den Inhalt derselben im Allgemeinen und zugleich, so viel als möglich, die Zeit oder wenigstens das Jahrhundert bestimmen konnte, dem eine nicht geringe Anzahl dieser russischen Documente ohne Datum angehörte.

Napiersky blieb aber bei dem Sammeln der russischen Documente nicht stehen, sondern er dachte auch daran, diese mit einer Auswahl von Urkunden ähnlichen Inhalts zu vermehren, welche in deutscher oder lateinischer Sprache abgefasst waren. Aus zwei Sammlungen entlehnte er vorzugsweise die Documente der letzteren Art, nämlich aus den städtischen Archiven Riga's²⁾ und den Folianten des Ritterschaftsarchivs, welche einst im Königsberger Archiv copirt worden waren. Einzelne Stücke mehr oder minder werthvollen Inhalts wurden ihm von Freunden und Correspondenten zugestellt. Auf diese Weise brachte er mehr als 200 Documente zusammen, die sich entweder auf die geschichtlichen

---

¹⁾ Index Corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae;
oder

Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte ... Liv-, Ehst- und Kurland's mit Unterstützung ... des ... Kaisers Alexander I. ... aus dem geheimen, ehemaligen Deutsch-Ordens-Archive zu Königsberg zusammengebracht worden ist. I. Theil. Riga 1833. II. Theil. 1835.

²⁾ Aus dem innern und dem äussern Rathsarchiv.

жеству Литовскому. Ему также казалось полезнымъ присоединить къ этому собранію небольшое число уже напечатанныхъ грамотъ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, потому что онѣ или имѣли безусловное значеніе и поясняли содержаніе неизданныхъ грамотъ, или въ прежнее время изданы были неудовлетворительно. Кромѣ того Напьерскій счелъ нелишнимъ включить въ свой трудъ нѣкоторыя уже обнародованныя грамоты въ формѣ регестовъ, съ необходимыми историческими или литературными поясненіями.

Къ составленію сборника привели Напьерскаго главнымъ образомъ изслѣдованія его по лифляндской исторіи, и отсюда весьма понятно желаніе его въ одно и то же время сдѣлать сборникъ этотъ доступнымъ спеціальнымъ изслѣдователямъ исторіи Россіи, Лифляндіи, Ганзы и Литвы. Толкованіе мѣстъ замѣчательныхъ въ отношеніи языка или историческаго ихъ содержанія не входило въ программу его труда, но при всемъ томъ онъ иногда присоединялъ къ тексту небольшія примѣчанія.

Сборникъ, начатый Напьерскимъ вскорѣ послѣ переселенія его въ Ригу, въ началѣ пятидесятихъ годовъ уже достигъ довольно значительнаго объема. Въ это время онъ частнымъ образомъ сообщилъ о своемъ трудѣ и о планѣ его члену Археографической Коммиссіи Куніку, при чемъ выразилъ желаніе со временемъ видѣть напечатаннымъ этотъ Сборникъ. По полученіи одобрительнаго отзыва, Напьерскій привелъ всѣ документы въ хронологическій порядокъ и отправилъ ихъ въ Санктпетербургъ на разсмотрѣніе. Въ 1852 году главный Редакторъ иностранныхъ Актовъ, Куникъ, представилъ Коммиссіи эту рукопись.

Само собою разумѣется, что прежде всего Коммиссія обратила вниманіе на русскія грамоты, заключавшіяся въ этомъ Сборникѣ; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли важное значеніе во многихъ отношеніяхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, однакоже, оказалось необходимымъ подвергнуть тщательному пересмотру какъ введенія къ нимъ, такъ и самый текстъ документовъ. Напьерскій не только принялъ отзывъ этотъ съ свойственною ему скромностью, но и самъ, съ разрѣшенія рижскаго магистрата, постепенно выслалъ въ Петербургъ почти всѣ русскіе подлинныя документы и старинныя копии съ потерянныхъ оригиналовъ. Коммиссія признала необходимымъ сдѣлать съ самихъ древнихъ изъ нихъ литографическіе снимки и издать ихъ сначала отдѣльно.³⁾

³⁾ Приложены были всѣ старанія къ воспроизведенію въ достойномъ видѣ столь важныхъ въ палеографическомъ, лингвистическомъ и историческомъ отношеніяхъ документовъ, между которыми находился одинъ довольно обширный, составленный отъ имени великаго князя Александра Невскаго. Изготовитель снимковъ, художникъ Бермелъевъ, старался съ точностію передать общій характеръ почерка различныхъ документовъ, составленныхъ или писанныхъ въ Новгородѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ и Ригѣ, а члены Археографической Коммиссіи Куникъ и Коркуновъ порознь, а въ сомнительныхъ случаяхъ сообща,

Verhältnisse Livlands und der Hanse zu Russland oder zum Grossfürstenthum Litauen bezogen. Es schien ihm angemessen zu sein, auch eine gewisse Anzahl von schon bekannten Urkunden in lateinischer und deutscher Sprache seiner Sammlung einzuverleiben, entweder weil sie von absoluter Bedeutung waren und so den Inhalt unedirter Urkunden aufklärten, oder weil sie früher auf eine wenig genügende Weise veröffentlicht waren. Endlich hielt Napiersky es nicht für überflüssig, manche bereits edirte Urkunden in Form von Regesten mit den nöthigen historischen oder literarischen Nachweisungen in seine Arbeit aufzunehmen.

Auf die erwähnte Sammlung von Urkunden war Napiersky zunächst durch seine Studien in der livländischen Geschichte geführt worden und sein Wunsch war ein ganz natürlicher; dieselbe den Bearbeitern der russischen, livländischen, hanse'schen und litauischen Specialgeschichte zugleich zugänglich zu machen. Dunkle oder merkwürdige Stellen in sprachlicher oder historischer Hinsicht zu commentiren, lag ausserhalb der Aufgabe, die er sich gestellt hatte; doch fügte er bisweilen dem Texte Anmerkungen in kurzer Form bei.

Die nicht lange nach der Uebersiedlung Napiersky's nach Riga begonnene Sammlung hatte bereits im Anfange der fünfziger Jahre einen ziemlichen Umfang erreicht, als er das Mitglied der archäographischen Commission Kunik privatim von seinem Plane in Kenntniss setzte und seinen Wunsch zu erkennen gab, dieselbe einst veröffentlicht zu sehen. Die ihm darauf zu Theil gewordene aufmunternde Antwort bestimmte ihn, alle Documente in eine chronologische Ordnung zu bringen und dieselbe nach Petersburg zur Begutachtung zu schicken. Im J. 1852 legte jenes Mitglied der archäographischen Commission das Manuscript Napiersky's derselben vor.

Aus ganz natürlichen Gründen richtete die Commission zunächst ihr Hauptaugenmerk auf die in dem Napiersky'schen Manuscript enthaltenen Urkunden in russischer Sprache, da deren eminente Bedeutung in mehr als einer Hinsicht in die Augen sprang. Es ergab sich aber zugleich die Nothwendigkeit, dass sowohl die Einleitungen zu denselben als auch der Text der Urkunden selbst einer sorgfältigen Revision unterworfen werden müssten. Napiersky nahm diese Erklärung nicht nur mit der ihm eigenen Bescheidenheit auf, sondern sandte auch selbst, mit Bewilligung des rigaischen Magistrats, nach und nach fast alle russischen Originaldocumente und alte Copien von verloren gegangenen Originalen nach Petersburg. Die Commission hielt es für nothwendig, die ältesten von ihnen zunächst besonders herauszugeben und sie zugleich lithographiren zu lassen.³⁾

---

³⁾ Keine Mühe wurde gescheut, um die in paläographischer, linguistischer und historischer Hinsicht so merkwürdigen Documente, worunter ein ziemlich umfangreiches von dem Grossfürsten Alexander Newski ausgegangen war, in einer ihrer würdigen Gestalt zu reproduciren. Nicht nur wurde der allge-

Когда Археографическая Коммиссія опредѣлила напечатать этотъ Сборникъ, то вся коллекція грамотъ, собранныхъ Напьерскимъ, постепенно была приготовлена къ печати и еще дополнена нѣсколькими новыми документами. Хотя почтенный собиратель старался хронологически опредѣлить документы, но при всемъ томъ члену Коммиссіи, которому поручено было изданіе этого Сборника, нерѣдко представлялся поводъ снова переработывать, либо болѣе или менѣе пополнять иныя историко-хронологическія объясненія грамотъ. Многія темныя мѣста нельзя было разяснить немедленно, потому что нѣкоторые документы относились къ такому времени или къ такой мѣстности, о которыхъ въ русскихъ и другихъ источникахъ сохранились самыя скудныя свѣдѣнія. Въ особенности это должно замѣтить о напечатанныхъ въ Сборникѣ западно-русскихъ грамотахъ, или нѣмецкихъ и латинскихъ документахъ, касающихся сношеній Риги съ западно-русскими и литовскими князьями и городами. Но именно вслѣдствіе упомянутыхъ документовъ это изданіе пріобрѣтаетъ такое важное значеніе, что мы считаемъ нелишнимъ нѣсколько ближе ознакомить съ содержаніемъ этого Сборника.

Въ немъ напечатано болѣе 200 документовъ, изъ которыхъ 49, писанные на русскомъ языкѣ, представляютъ частію подлинники, частію древніе переводы. Латинскихъ документовъ не болѣе 38; наибольшее число, а именно 167 грамоты написаны на нѣмецкомъ языкѣ. Изъ послѣднихъ не малая часть относится къ тому времени, когда въ нынѣшнихъ прибалтійскихъ губерніяхъ ниже-нѣмецкое нарѣчіе было въ извѣстномъ сословіи господствующимъ разговорнымъ и дѣловымъ языкомъ; даже русскіе и литовскіе князья въ сношеніяхъ своихъ съ Ливонією, кромѣ русскаго языка, употребляли иногда ниже-нѣмецкій языкъ, такъ называемый платтдейтшъ (plattdeutsch). Между тѣмъ въ остзейскомъ краѣ рано стало проявляться вліяніе и верхне-нѣмецкаго нарѣчія, такъ что нѣкоторые документы нашего Сборника писаны на болѣе или менѣе смѣшанномъ нѣмецкомъ языкѣ. Нѣкоторые изъ древнѣйшихъ документовъ на ниже-нѣмецкомъ языкѣ очень важны для точнаго опредѣленія древне-русскихъ терминовъ, особенно тѣхъ, которые употреблялись въ торговлѣ. Иныя русскіе документы явно составлены по образцу ниже-нѣмецкихъ оригиналовъ, а нѣкоторыя русскія грамоты дошли до насъ въ одномъ только ниже-нѣмецкомъ переводѣ.

Что касается времени составленія этихъ документовъ, то къ XII вѣку относится одна только грамота новгородскаго князя Ярослава Владиміровича, дошед-

---

повѣряли снимки всякаго документа и отдѣльно каждое слово въ связи съ особымъ свойственнымъ ему почеркомъ. Это великолѣпное изданіе, въ листъ, вышло въ 1857 году, подъ заглавіемъ:

«Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверно-западной Россіи съ Ригією и ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV вѣкѣ. Найдены въ Рижскомъ Архивѣ К. Э. Напьерскимъ и изданы Археографическою Коммиссією. (Съ 8 литографированными снимками.)»

Nachdem die archäographische Commission die Herausgabe der ganzen Sammlung der Napiersky'schen Urkunden beschlossen hatte, wurde dieselbe allmählich zum Druck vorbereitet und hin und wieder noch mit einzelnen Stücken vermehrt. Hatte auch der Veranstalter der Sammlung es sich angelegen sein lassen, die einzelnen Documente chronologisch zu bestimmen, so gab es für das Mitglied der Commission, welches hier den Druck leitete, noch Veranlassung genug, manche historisch-chronologische Erörterung neu auszuarbeiten oder sie mehr oder minder zu ergänzen. Alle Dunkelheiten konnten nicht sogleich aufgehellt werden, da so manches Document einer Zeit oder einem Orte angehört, worüber russische wie andere Quellen nur dürftige Kunde uns erhalten haben. Es gilt dies besonders von den hier abgedruckten westrussischen Urkunden und auch von manchen deutschen und lateinischen Documenten, welche auf den Verkehr Riga's mit westrussischen Fürsten und Städten Bezug haben. Gerade aber durch die eben erwähnten Documente erlangt die Napiersky'sche Sammlung eine so grosse Bedeutung, dass es nicht unangemessen sein dürfte, den Inhalt derselben etwas näher anzudeuten.

Die Zahl der in dieser Sammlung abgedruckten Documente beträgt mehr als 200, wovon 49 in russischer Sprache entweder ursprünglich abgefasst oder in altrussischer Uebersetzung auf uns gekommen sind. Die Zahl der lateinischen Urkunden übersteigt nicht die von 38, dagegen ist die grössere Anzahl sämtlicher Documente, nämlich 167 in deutscher Sprache abgefasst. Von den letzteren stammen aber nicht wenige aus jener Zeit, wo bei einigen Classen der Bevölkerung der heutigen Ostseegouvernements die niederdeutsche Mundart als Verkehrs- und Geschäftssprache herrschend war, so dass selbst russische und litauische Fürsten in ihrem Verkehr mit den Livländern, ausser dem Russischen, sich des Niederdeutschen bedienen. Indessen begann in den Ostseeprovinzen sich auch früh der Einfluss der hochdeutschen Mundart geltend zu machen, so dass manche Documente unsrer Sammlung in einer mehr oder weniger gemischten deutschen Sprache abgefasst sind. Von den älteren niederdeutschen Documenten erweisen sich einige auch als sehr brauchbar zur schärferen Bestimmung gewisser altrussischen technischen, besonders im Handelsverkehr üblichen Ausdrücke. Einige russische Documente sind offenbar nach niederdeutschen Originalurkunden abgefasst und andere russische sind nur in einer niederdeutschen Uebersetzung auf uns gekommen.

---

meine Character der Schrift der einzelnen in Nowgorod, Polozk, Litauen und Riga aufgesetzten oder abgeschriebenen Documente von dem Verfertiger des Facsimile treu wiedergegeben, sondern die Mitglieder der Commission Kunik und Korkunow verglichen jeder für sich und dann in zweifelhaften Fällen gemeinschaftlich das Facsimile eines jeden Documents nach den einzelnen Wörtern und den besonders ihm eigenthümlichen Schriftzügen. Diese Prachtausgabe erschien im J. 1857 in fol. unter dem Titel: «Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверно-западной Россіи съ Ригію и ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV вѣкѣ. Найдены въ Рижскомъ Архивѣ К. Э. Нашьерскимъ и изданы Археографическою Коммиссією съ 8 литографированными снимками.»

шая до насъ въ древне-русскомъ спискѣ (№ 1, стр. 1). Представителями XIII столѣтія являются уже 7 документовъ, всѣ на русскомъ языкѣ (№ 16, стр. 8; № 25^a и 25^b, стр. 12; № 26, стр. 13; № 27, стр. 14; № 34, стр. 17; № 37, стр. 19), и связанные, по содержанию своему, съ именами Александра Невскаго, брата его, князя новгородскаго Ярослава Ярославича, литовскаго князя Гердена, полоцко-литовскаго удѣльнаго князя Изяслава и князя смоленскаго Феодора Ростиславича. Еще богаче становится Сборникъ съ XIV столѣтія, къ началу котораго относятся 6 русскихъ грамотъ; изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ грамота неизвѣстнаго доселѣ православнаго полоцкаго епископа Іакова (№ 38, стр. 19) и длинная челобитная, поданная совершенно неизвѣстному до сихъ поръ витебскому князю Михаилу Константиновичу (№ 49, стр. 25). Съ 1323 года (стр. 30 и слѣд.) выступаетъ могучая личность Гедимины; о тѣсныхъ сношеніяхъ, существовавшихъ въ XIII вѣкѣ между Ригею и Полоцкомъ (уже въ то время подпавшимъ Литвѣ), свидѣтельствуетъ нѣсколько весьма любопытныхъ документовъ; съ этого же времени въ нашемъ Сборникѣ и Новгородъ и его ганзейскіе торговые гости встрѣчаются чаще прежняго.

Особенное обиліе разныхъ во многихъ отношеніяхъ новыхъ свѣдѣній представляютъ помѣщенные въ Сборникѣ документы XV столѣтія. Ихъ слишкомъ сто, изъ которыхъ бѣльшая часть или прямо относится къ Полоцку, или болѣе или менѣе касается его. Къ великому княжеству Литовскому также относится нѣсколько документовъ и въ нѣсколькихъ грамотахъ (напр.: № 132, стр. 103; № 138, стр. 109; № 158, стр. 123; № 167, стр. 133; № 176, стр. 140; № 205, стр. 166; № 206, стр. 168; № 262, стр. 228), кромѣ Новгорода, говорится и о Псковѣ, о которомъ за тѣмъ почти нѣтъ поминъ въ документахъ нашего Сборника⁴). Съ началомъ XVI столѣтія отношенія Риги къ Полоцку отступаютъ на второй планъ; особенное вниманіе возбуждаетъ только рижская православная церковь, подчиненная полоцкому епископу (№ 370, стр. 345; № 374, стр. 355). Взамѣнъ этого, съ 1503 года выступаетъ новое государство Московское, съ которымъ ганзейскіе города, столь могущественные нѣкогда, и ливонскіе города, въ видахъ собственнаго интереса, стараются жить въ ладу, на сколько возможно. Документы XVI вѣка почти исключительно, прямо или косвенно, относятся къ тому положенію, которое старая Ливонія занимала или старалась занять къ Москвѣ въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Сборникъ оканчивается нѣсколькими грамотами царя Бориса Феодоровича Годунова къ лицамъ, которыхъ онъ, какъ это извѣстно и по другимъ источникамъ, употреблялъ для торговыхъ и иныхъ цѣлей.

⁴) О томъ, какъ уже средневѣковые писцы смѣшивали имена города *Пскова* (Pleskow, Pleskau) и *Полоцка* (Полтескъ, Ploskow; Paltisca, Palteskju въ скандинавскихъ источникахъ), см. ниже № 282, стр. 245, № 370, стр. 345 (ср. стр. 73) и Уч. Зап. Акад. Наукъ по I и III Отдѣл. Томъ II, стр. 776. Ср. также разсужденіе Прейса объ этимологіи эстонскаго имени города Пскова (Pihkwa, der Ehstnische Name für Pleskau), помѣщенное въ дерптскомъ журналѣ: Inland 1839 г., № 13.